

САНКТ ПЕТЕРБУРГ: ГОРОД В КОТОРОМ НЕТ УНИВЕРСИТЕТА

Есть в мире места, не будь которых, человеческая цивилизация была бы не просто беднее – ее вообще не было бы в том виде, какова она есть. Одним из таких достояний всего человечества является Санкт Петербург. Здесь невозможно не быть немножко поэтом: любая улица будит воображение. Любой разговор в любую минуту способен вознестись ввысь – как ракета-носитель, как самолет вертикального взлета. Неудивительно, что отсюда в мир пришли и великая музыка, и великий балет. Когда Ваганову спросили, почему в вашем хореографическом училище девочки танцуют лучше, чем в училище Большого театра, несмотря на то, что в Москве преподаватели лучше чем в Питере (потому что самых лучших танцоров Мариининского (в то время Кировского) театра из года в год и из десятилетие в десятилетие переводят в главный театр страны!), великая балерина ответила: *“Потому, что учиться танцу в Москве они идут по улице Горького, а в Ленинграде по улице Зодчего Росси!”* Петербург невозможно обезглавить сколько ни обезглавливай, вот в чем загвоздка! Даже пьяницы в этом городе иные, даже самые последние забулдыги!! Помню, как один качающийся гражданин, находившийся в той стадии опьянения, в которой вот-вот появятся чертики, втолковывал мне, пытаясь схватить за лацкан, чтоб не упасть: *“Ты не смотри, что сегодня я бомж. До перестройки я был академиком!”* Это трогательное вранье дорогого стоит, если задуматься. Ведь не сказал он, что при большевиках был маршалом авиации или членом политбюро. А соврал, что был человеком науки. Даже в этой наивной лжи – дыхание Питера, его духа и его мрамора.

С самого своего основания духовная жизнь играла в Санкт Петербурге более чем особую роль: она и была истинной жизнью! Великая поэзия и великая музыка, дарованные Петербургом миру, являются проявлениями примата духа над материей, излучаемым из этого места. Причем не просто духа, а русского духа.

Старейшие университеты России: Московский и Санкт Петербургский – моложе Парижского университета на пятьсот лет (!!), университетов Праги и Кракова на четыреста! Это прискорбно. Возможно, именно в отсутствии университетов в России в период ее становления как государства – в 15, 16, 17 веках – когда университетская жизнь в Европе была ключем, предопределяя Возрождение и Просвещение – скрыта причина многих сегодняшних проблем Российской Федерации. Не основывали университетов в России ни Иван Третий-Великий, ни Иван Васильевич Грозный, ни Алексей Михайлович, ни Федор Иоаннович, ни Михаил, в то время как слова *университетский город* задолго до их – а также во время их – царствования и великокняжения звучали в Европе возвышенно, ибо университет, питомник образованной молодежи, в стенах которого юношество, мечтавшее приобрести самые разнообразные специальности: от математики и физики до философии и филологии - был залогом устойчивого развития города, княжества, королевства. Естественники и гуманитарии оплодотворяли друг друга

идеями, профессора и студенты, одни обучая, другие задавая вопросы – обогащали знаниями друг друга и мир. Университеты придавали развитию нации и Европы как содружества наций (хотя и противоборствующих) вектор – об отсутствии которого в России по сей день сокрушаются. Университет с его вольным духом был центром жизни великих европейских столиц. Даже самые тупые властители понимали, что университет – это святое. Наличие Университета в городе было гордостью и признаком европейскости – оглядываясь назад в наши дни это кристаллически ясно. Университет был храмом мысли и истины, которые не зависели от воли властителей и оставались незыблемыми с их уходом. Университеты были гарантом преемственности национальных традиций, вовсе не герцоги и короли. То, что ни один университет Европы с самого своего основания, открывшись, не закрывался даже в самые мрачные времена, несомненно было одной из причин расцвета Европы в 19 веке и ее доминирования в мире в веке 20ом.

Петр Великий мощно поворотил руль русского корабля в сторону Запада. Санкт Петербургский университет стремительно стал центром духовной жизни Столицы. Его воспитанники принимали участие во всем спектре общественной жизни: они становились министрами и революционерами, социалистами и монархистами, губернаторами и профессорами. Университеты – московский и петербургский – были символами приобщения России к Европейской цивилизации. Того, что отныне и навсегда Российская Империя является частью цивилизации Возрождения и Просвещения. Вольный дух Петербургского (с октябрьского переворота по приблизительно двухтысячный год известного под именем Ленинградский) университета жил живой жизнью даже в самые мрачные, самые омертвелые времена. Даже в 1937 году, во время большого террора. Даже в гражданскую. Даже во время большевистского переворота. Ибо гармоничное образование, даваемое университетом, и что еще более важно – возможность его получения – были ферментом и эликсиром неукротимого русского духа, непохожего ни на какой другой: ни европейский, ни азиатский.

В России никогда не было свободы слова, но всегда была необыкновенная свобода мысли. Это относится и к Ленинградскому периоду Петербурга, далеко не самому светлому. Когда я учился (в эпоху, как ее теперь называют, застоя), кафедра теоретической физики размещалась в Ректорском флигеле, окнами выходящем, как известно, на набережную Невы. Был жив и возглавлял кафедру великий Фок, на семинарах можно было сесть на диван, на котором в семье ректора университета Бекетова (согласно легенде – а может и в действительности) родился поэт Александр Блок (сейчас этот диван куда-то бесследно исчез). Посещать можно было любые лекции совершенно свободно. Стоило перейти улицу – и ты оказывался на историческом или филологическом факультетах, где учили и Тарле, и Лихачев. А по дороге домой можно было забежать в Эрмитаж (студенческий вход стоил десять копеек, цифра даже для студентов, людей как правило небогатых, мелкая, символическая), чтобы поразмышлять о квантовой механике, истории, топологии или судьбах вселенной в соответствующем настроению зале – а то и попросту побродить (музеев, по которым можно бродить, в мире примерно

три: Эрмитаж, Лувр и Метрополитен Музеум Нью Йорка, не так уж много, не так ли?). Мысль в городе, ведомая студентами университета: и физиками, и лириками (между которыми никогда нельзя было провести четкой грани!) в городе, в котором всякая живая мысль давилась и запрещалась, была ключом. Интеллектуальная жизнь, ведомая университетом, бурлила. То были дискуссии мирового уровня – что видно из того, кем эти студенты впоследствии стали, и не только в России: в Гарварде, в Кембридже, в Стэнфорде... Поскольку – и это стоит запомнить – учат не только преподаватели и не только учебники. **Формальное обучение – это только один из трех видов получения и приумножения знаний, всего лишь первая компонента Интеллектуальной Триады. Вторая – что никак не менее важно: студенты учат друг друга. Дух вольных бесед которые незнамо куда заведут, дух дерзких вопросов – и ответов, которые опережают вопросы – не менее важен, чем канонизированное преподавание. Какова же третья ипостась интеллектуальной троицы? Стены! В университетах учат стены. Для того, чтобы вдохновлять, стены должны иметь историю.** Ощущение того, что вот на этом диване родился Блок, а там, супротив Большой Физической аудитории, Менделеев раскладывал карточки, положившие начало Периодической Системе, вдохновляло и сознание, и подсознание. Неудивительно, что из поколения в поколение Санкт Петербургский университет рождал великих ученых, великих мыслителей, великих политических деятелей. Неудивительно что и сегодня Президент России выходец из Санкт Петербургского Университета этой поры.

Санкт Петербургский университет является одним из великих университетов мира так же, как одним и величайших городов мира является Санкт Петербург. Тем более поразительным – и ошарашивающим – является утверждение, которое читатель прочтет строкой ниже:

СЕГОДНЯ В ГОРОДЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НЕТ УНИВЕРСИТЕТА

То есть вообще нет. Ни хорошего, ни плохого. Никакого университета нет в Санкт Петербурге, как это ни покажется невероятным.

То есть это как это? – спросит недоуменный читатель. А что тогда находится на университетской набережной, в помещении Двенадцати Коллегий? Да как же это в Ленинграде нет университета, если университетов в городе чуть ли не больше чем вытрезвителей, если университетом не называют разве что школу для умственно дефективных, если в девяностых годах прошлого века каждый, кто открывал учебное заведение, из которого не брали в армию, будь в нем всего лишь пара десятков учащихся, окончивших среднюю школу, писал на стенах своего детища, как панацею, заветное слово: “университет”? Это как это в Санкт Петербурге нет университета ежели слово “университет” с каким-нибудь предшествующим ему прилагательным ныне украшает вход чуть ли не в каждый десятый дворец? И при всем этом автор этой статьи говорит, что в Санкт Петербурге нет университета – в

то время, как сегодня в Санкт Петербурге университетов так много, что, чтобы понять, что речь идет, например, об университете, ректорат которого расположен в двенадцати коллегиях, надо добавить: “*тот самый университет*”, или “*государственный университет*”? И при всем этом изобилии университетов автор смеет сказать, что в Городе Санкт Петербурге сегодня нет ни одного университета? Он что, с ума спятил?

Не спешите с выводами, высокочтимые читатели и читательницы. Послушайте меня (как говорил один теоретический физик) еще четыре минуты и вы все поймете без объяснений.

***

Двадцатый век был изуитски проворен в придании словам – причем самым священным и значимым – новых смыслов. Человеку девятнадцатого века в России (как впрочем и европейцу любого века), невозможно представить, что слова “идеализм” и “идеалист” могут стать бранными. Однако в Советской России эта фантазмагория стала явью: быть обвиненным в идеализме при Сталине было равносильно смертному приговору, при Брежневе и Андропове – правления которых ноне вспоминаются с умилением и ностальгией – лишению работы “всего лишь”. В то же время во времена и Сталина, и Брежнева, и Андропова невозможно было поверить в то, что слово “демократ” по-русски когда-либо будет звучать, как клеймо. Пушкин и Герцен ни за что не поверили бы, что слово *либерал* через полтора века станет синонимом проходимца. Со словом *университет* произошла сходная метаморфоза. По определению Даля Университет – это высшая школа, учебное заведение по всем отраслям науки. Ну разумеется, по всем наукам, считающимся фундаментальными в ту или иную эпоху – так было испокон века. Это не значит, что изучение зоотехники или электродвигателей “ниже”, чем изучение атома или истории: просто учебным заведениям, в которых получают такие специальности дается иное название: институт. Не может быть железнодорожного университета, университета профсоюзов или университета сантехники: при всем уважении к ректорам университетов с подобными звучными наименованиями, людям как правило милым и просвещенным, пекущимся о благе вверенного им вуза: университет туризма не университет так же как божий одуванчик не одуванчик. **Университет Сельскохозяйственных Наук, Горный Университет и Лесотехнический Университет в такой же степени университеты, в какой милостивый государь является государем. Это абсурд. Причем абсурд, разлагающий общество и цивилизацию, самые их корни. Это самая настоящая дьявольщина. Ибо такие лингво-кентавры создает иллюзию того, что что страна, населенная фрагментарно образованными людьми и только ими, может быть конкурентоспособной на мировом рынке – и вообще называться цивилизованной.** Переименуйте себя назад в институты, уважаемые коллеги – и все встанет на свои места. Называет же себя крупнейший и самый известный в мире Массачусетский Технологический Институт институтом – и ничего, не стесняется, вроде бы неплохо живет и даже немножечко процветает: в

такой степени, что его годовой бюджет превышает бюджет всех вузов России плюс бюджет Российской Академии Наук вместе взятых.

С Государственным Санкт Петербургским Университетом произошла иная история. В течение сотен лет он являлся выдающимся Университетом не только России и не только Европы, но и всего мира – по любым рейтингам и критериям. До тех пор пока Отцам Города Трех Революций не пришло в голову выслать естественные факультеты на энный километр за черту города. И выслали – как Пушкина в Михайловское, как преступника, недостойного каторги: не на сто первый километр а примерно на пятьдесят первый – всего лишь. Уж больно – с начальственной точки зрения – неблагонадежная это была организация. Непредсказуемые юноши и девушки. Образованные гармонически и всесторонне. С вечным полетом мысли. Как ни затыкай ртов – не заткнешь. И таких около десяти тысяч – страшная уйма! И что не менее ужасающе – по окончании этого неблагонадежного заведения внедряются на работы по всему городу, разлагая интеллектуальной заразой коллективный мозг ленинградцев, сделанный из монолита. И никакими политинформациями с ними, свободно и широко мыслящими, не сладишь: независимо и непредсказуемо рассуждающие, хуже любой заразы. И таких – ну ка прикинем – несколько тысяч в год выпускников Альма Матер. Страшное дело! Это ж сколько стукачей надо, чтоб всех прослушать? Никаких штатов спецперсонала, чтобы дать политическую оценку тому, что они болтают, не хватит. Не говоря уж о том, чтобы со всеми работать, провербовывать и перековывать. И ведь глупость какая получается: учим крамольников и вольнодумщиков на свою голову за государственный счет. Не по государственному это выходит. А так – котлеты отдельно, мухи отдельно. Физики отдельно от лириков, девушки отдельно от юношей, математика отдельно от лингвистики, физика от геологии, химия от биологии. Просто и эффективно. Плевать, что это делает невозможным нормальное развитие науки и технологий, исключает создание гибридных наук и перекрестное опыление идеями, основанное – как и во всем мире – на университетах. Плевать, что замысел Петра Первого: сделать свою Столицу, а вслед за ним и Россию, Империей Мысли – “поворотен вспять”. Плевать, что таким образом искалечена душа города и насильственно укрощен его дух. “Меньше крамолы – прямее дорога в коммунистическое далеко”. Кто принял решение? Обком Партии? Отдел КГБ по работе с интеллигенцией? Нет сейчас этих организаций как и города Ленинграда. Свободная Россия стирает метки казарменного социализма со стен и душ. Но разделение университета осталось. Естественные науки находятся за чертой города, остальные – в его эпицентре. Находясь в исторических зданиях университета, на Неве, кажется, что попал в девичье царство. А находясь в его части, сосланной за город – наоборот. Странная и противоестественная ситуация! Университет, в котором естественные науки отделены от гуманитарных двумя с половиной часами езды – университет ли это вообще? Увы. Университет, в котором гуманитарии и естественники не могут каждодневно общаться, это вообще не университет. Он только называется университетом. Ибо главное, ради чего университеты создаются и существуют: свободное и творческое каждодневное и ежечасное общение студентов и профессоров всех специальностей – стало невозможным. А стало быть сегодня – приходится признать с горечью – **сегодня Санкт Петербургский Университет**

вообще не университет в обычном смысле этого слова. Как не является компьютером “компьютер”, клавиатура которого находится в Самаре, а дисплей в Вологде.

Зададимся закономерным вопросом: кто конкретно ответственен за преступление в общероссийском масштабе, сопоставимое с высылкой величайших умов Царской России из Петербурга на так называемом корабле философов в двадцатые годы: уничтожение Санкт Петербургского Университета? Боюсь, этого мы никогда не узнаем. Ректор Александров, известнейший математик, приписывал эту идею себе. В семидесятые годы в Новосибирском академгородке, когда мы сидели с Александром Даниловичем его коттедже и пили водку Даниловку собственного изготовления (которую великий ученый на самогонном аппарате перегонял из водки, купленной в магазине, дело законное хотя и невиданное), академик плакал (я не преувеличиваю: именно плакал, из глаз капали слезы) повторяя: *“я хотел сделать маленький Оксфорд, я хотел сделать отечественный Принстон...”* В самом деле: было от чего плакать. Но думается, свою собственную вину Данилыч преувеличивал. Его просто использовали – и поставили другого ректора, как только великий математик и идеалист осознал, что происходит от его имени и попытался рационализировать ситуацию. Так или иначе, вот уже сорок лет как физика и лирика, естественные и гуманитарные науки в Санкт Петербургском университете разделены. Расстоянием приблизительно в пятьдесят километров, два с половиной часа езды. Но что такое два с половиной часа езды? Это расстояние между Веной и Прагой, Парижем и Лондоном. А пятьдесят километров – это расстояние между университетскими городами в центральной Европе. Сегодняшний университет в Петербурге это на восемьдесят процентов девочки, учащиеся на гуманитарных факультетах плюс биология и психология. Мужчины, в подавляющем большинстве идущие на естественнонаучные факультеты, сосланы за черту города. Также противоестественная ситуация – казавшаяся коммунистическим тупарям прямо противоположным: нормализацией ситуации в колыбели Великого Октября. Таким образом, была совершена тихая революция, по своей трагичности для города и страны соизмеримая разве что с Октябрьской Катастрофой: бурлящий в центре Санкт Петербурга котел идей и эпицентр свободной, не знающей преград мысли, для которой от анапеста до интеграла, от синхрофазотрона до доминант септ аккорда было “рукой поддать”, носители которой были способны помочь России снова занять ведущее положение в науках и технологиях во всем мире после ее освобождения от большевистского ига сиречь в наши дни – был уничтожен.

Сегодня в Санкт Петербурге нет университета. Санкт Петербург начала третьего тысячелетия университетским городом не является. С этим надо что-то срочно поделать. Это необходимо менять – во имя Великого Города, во имя России, во имя всего человечества. Но как это сделать? И возможно ли это вообще?

***

Взгляд издали позволяет прикидываться наивным и не замечать (или делать вид, что не замечаешь) деталей, в которых известно кто кроется. Сформулирую один из возможных планов возрождения Санкт Петербургского университета, делая вид,

что не замечаю трудностей, стоящих на этом пути. Как раз в наши дни в Петербург переводится главный офис Газпрома. Налоги, которые при этом пойдут в казну города, могут существенно улучшить его экономическое положение. За перемещение в зону их юрисдикции крупнейших компаний в США, Японии и Европе города борются не на жизнь а на смерть. Однако в настоящее время перевод нефтяного гиганта в город на Неве не вызывает у петербуржцев восторга. Это недовольство, объяснить которое американцу или европейцу невозможно: все равно не поймут – объясняется планами постройки небоскреба, грозящего нарушить исторический абрис города в небесах. Не вдаваясь в споры об архитектуре, обращаю внимание на то, что в таких случаях крупные компании в обмен на те или иные предоставляемые им льготы или возможности, во всем мире делают нечто полезное для города и его жителей. Так вот: наиболее естественным условием перевода Газпрома в Питер могло бы быть требование восстановления всего Санкт Петербургского университета в историческом центре города. Причем это тот исключительный случай, когда – уверен! – Газпром совершит это деяние с радостью: ведь во главе его стоит выпускник Санкт-Петербургского университета, первый вице-премьер Медведев. Спикеры верхней и нижней палат Парламента, Грызлов и Миронов также являются петербуржцами. Выпускником Санкт-Петербургского университета является и президент России Владимир Путин. При оптимальном ходе событий уже через год-два воссоздание в центре Санкт Петербурга университета может стать явью: Газпрому с его многомиллиардными долларовыми резервами это не составит труда. Тем более что места в этом районе (опять таки не вдаваясь в детали) более чем достаточно: для этого, в частности, можно использовать гигантские помещения недавно закрытого Оптического института и другие окрестные здания, используемые не по стратегическому назначению. Одновременно надо создать содружество выпускников Санкт Петербургского университета, успешно работающих в десятках стран мира, а также условия для их нормального пребывания в Петербурге при условии чтения ими лекций и научного руководства студентами (как это имеет место в любом западноевропейском и североамериканском университете).

Франсуа Миттеран вошел в историю поставив стеклянную пирамиду во дворе Лувра – всего лишь. Совместными усилиями губернатора Санкт Петербурга, Газпрома (и других стратегических инвесторов если таковые потребуются), при поддержке Государственной Думы, правительства и Президента России, а также выпускников и друзей Санкт Петербургского Университета на всех континентах, Санкт Петербургский Университет может воспрять в считанные годы, снова заняв одно из ведущих мест в мировом рейтинге – на благо Великого Города и Великой Страны.

Юрий Магаршак
Профессор, исполнительный вице-президент Международного Комитета
Интеллектуального Сотрудничества